

Нет автора

**Отчет о двадцать третьем присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 39 тому Записок Имп. Академии
наук №8**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова: Приложение к 39 тому Записок Имп. Академии наук №8 /
Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 252 с.

ISBN 978-5-458-00258-5

ISBN 978-5-458-00258-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,
читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1880 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

На соисканіе въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено девять историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ восемь печатныхъ и одно рукописное. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора Конференція Академіи Наукъ, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, со стоявшюю, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. К. Науки, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго. Впослѣдствіи, по смерти академика Срезневскаго, его мѣсто въ составѣ Комисіи занялъ Академикъ И. В. Ягичъ.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, Комисія, принявъ во вниманіе отзывы, данные о конкурсныхъ сочиненіяхъ разсматривавшими ихъ критиками, и внимательно обсудивъ сравнительныя достоинства сочиненій, въ засѣданіи 9 сего сентября, большинствомъ голосовъ постановила шесть сочиненій удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 руб. каждая.

Эти увѣнчанныя преміями сочиненія суть:

I.

Семейство Разумовскихъ. Сочиненіе А. А. Васильчикова. Томъ I.

При замѣчательномъ оживленіи трудовъ по Русской исторіи, которымъ такъ счастливо отличается наше время, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей восемнадцатый вѣкъ, какъ такая эпоха, которая еще не такъ давно составляла у насъ почти заповѣдную область, въ которой поэтому всѣ раскрываемыя нынѣ картины прошлаго имѣютъ для многихъ всю прелесть новизны, не говоря уже о томъ, что самая близость времени придаетъ лицамъ и событіямъ особую для насъ поучительность и болѣе живой интересъ. Въ ряду историковъ, посвятившихъ себя изученію русскаго XVIII вѣка, весьма почетное мѣсто занялъ отнынѣ авторъ обширной монографіи о семействѣ Разумовскихъ, которой первый томъ участвовалъ въ настоящемъ соисканіи Уваровскихъ наградъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, принявшій на себя, по вызову Комисіи, составить разборъ этого сочиненія, указываетъ въ особенности на то, что монографіи, подобныя той, какую представилъ А. А. Васильчиковъ, имѣютъ для исторической науки особое важное значеніе; онѣ даютъ твердую основу и живыя краски для полнаго и всесторонняго изображенія жизни общества въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи «Семейство Разумовскихъ» пользовался для своего сочиненія какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленныя, въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ изъ Государственнаго Архива, изъ архивовъ: графа А. С. Уварова, князя Н. В. Репнина, князя А. К. Разумовскаго, изъ рукописнаго дневника Ханенки; изъ бумагъ семейства Танскихъ; изъ рукописнаго историческаго словаря Казадаева и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору Г. П. Галаганомъ и М. А. Крыжановскою, рожденною Перовскою.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, ав-

торъ имѣлъ въ виду «возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени». Онъ говоритъ: «Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложенияхъ помѣстили всѣ грамоты, рядвыя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины».

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ, по мнѣнію рецензента, едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринятыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей безвѣстныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, что само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то конечно часть ихъ, казалось бы, удобнѣе было помѣстить въ приложенияхъ, а въ текстѣ передать только сущность ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе и опредѣленнѣе. При томъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора — возсоздать прежній бытъ, а для возсозданія не достаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ грудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто внѣшнемъ, хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанію и изложенію, то съ другой стороны многое, и весьма многое изъ того, что приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ

Григорьевичѣ. По чертамъ, разсѣяннымъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнымъ имъ въ одно цѣлое, можно составить себѣ живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ «обыкновенной исторіи», разсказанной авторомъ.

Однако не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова.

Не распространяясь о содержаніи этого важнаго труда, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляютъ и обиліе собранныхъ имъ матеріаловъ, и искусство, съ какимъ они представлены въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи XVIII столѣтія. Если бы авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и тогда книга его была бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ не ограничился этою скромною задачею и принялъ на себя трудъ критически разсмотрѣть и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину минувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ, не отступая отъ нихъ ни ради болѣе яркости, ни ради какой-либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героев своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи.

II.

Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870). Сочиненіе Ректора этой Академіи, протоіерея Серг. Констант. Смирнова.

Высокопочтимый авторъ этого сочиненія извѣстенъ въ ученой литературѣ замѣчательными трудами по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи: несомнѣнные достоинства его *Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи* доставили ему въ 1857 году одну изъ Демидовскихъ наградъ, а изданное имъ въ 1867 году историческое сочиненіе о Троицкой Лаврской Семинаріи было увѣнчано Уваровскою преміей.

Присуждая теперь еще разъ Уваровскую награду новому капитальному творенію протоіерея С. К. Смирнова, Академія имѣла удовольствіе основать свой приговоръ на отзывѣ такого компетентнаго судьи, какимъ, конечно, является авторъ Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи и біографъ Теофана Прокоповича. Нашъ многоуважаемый членъ-корреспондентъ Илл. Алекс. Чистовичъ доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, разборъ, который будетъ съ величайшимъ интересомъ прочитанъ всѣми, кто слѣдитъ за судьбами отечественнаго просвѣщенія, и изъ котораго мы приведемъ здѣсь только заключительныя сужденія:

Желая очертить общій характеръ разбираемаго сочиненія, рецензентъ указываетъ на ту особенность новой книги протоіерея Смирнова, что въ ней излагается исторія учебнаго заведенія, только полвѣка тому назадъ начавшаго свое существованіе,—заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершившихся событій, а для другой, болѣе отдаленной половины имѣетъ свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной Академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ Академіи съ самаго ея начала, весьма многія прошли и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивныя документы способствуютъ только провѣркѣ данныхъ, извлекаемыхъ изъ личныхъ впечатлѣній свидѣтелей происшествій. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шелъ, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей Академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличительными особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которое судитъ о нихъ только по письменнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ изображаемымъ событіямъ имѣетъ и свою невыгодную сторону. Событія текущей жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать, такъ сказать, физическія ихъ границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, цѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ каждое

въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка и вывести разсказъ за предѣлы задачи, которая намѣчена предметомъ. Кромѣ того, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и стать на точку зрѣнія одной сторонниці.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ Академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и чрезъ одно-два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію самой книги, рецензентъ предлагаетъ весьма оживленный разсказъ о главныхъ событіяхъ въ исторіи Московскаго разсадника высшаго духовнаго образованія, въ связи съ нѣкоторыми внѣшними явленіями, имѣвшими вліяніе на судьбу Академіи, и въ заключеніи, сводя въ одно всѣ сдѣланныя имъ замѣчанія, заявляетъ, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея отъ одного преобразованія (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской Духовной Академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высокочтимомъ русскою церковію покойномъ Московскомъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полувѣка непосредственнымъ руководителемъ Академіи, — составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался и первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни

Академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета, Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и др., и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія: но всякому, знакомому съ этого рода сочиненіями, извѣстно также, какъ трудна подобная критическая работа тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, тѣмъ менѣе будутъ возбуждать желанія, подобныя вышензложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собиранія и очистки матеріала.

III.

Анаематствоваіе (отлученіе отъ Церкви), совершаемое въ первую недѣлю Великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ Православія, Священника К. Никольскаго. СПбургъ 1879 г.

Желая положить въ основаніе своего приговора объ этомъ сочиненіи сужденіе о немъ извѣстнаго знатока исторіи русской церкви и церковнаго права, Академія обращалась къ профессору здѣшняго университета священнику М. И. Горчакову съ приглашеніемъ разсмотрѣть изслѣдованіе отца Никольскаго. Съ рѣдкою готовностью принявъ это предложеніе и увлекшись самъ предметомъ, надъ которымъ трудился от. Никольскій, почтенный профессоръ сообщилъ намъ обстоятельную рецензію, въ которой не только представлена всесторонняя оцѣнка переданнаго на его судъ труда, но и сдѣланы многочисленныя существенныя дополненія и объясненія къ изысканіямъ и выводамъ автора.

По свидѣтельству рецензента, сочиненіе от. Никольскаго есть первое явившееся въ нашей церковно-исторической литературѣ учебное изслѣдованіе исторіи чина православія, составленное большею частью на основаніи не только неизданныхъ, но и остававшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся источниковъ. Своею книгою авторъ вывелъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и почти вовсе необслѣдованную до него исторію важнаго во многихъ отно-

шеніяхъ памятника богослужебной литературы Константинопольской и Русской церкви. Много стоило ему времени, труда, усердія, настойчивости и даже матеріальныхъ издержекъ, чтобы собрать таившійся преимущественно въ старыхъ архивахъ и бібліотекахъ рукописный матеріалъ, относящійся до его предмета; но за то ревность его увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, и можно сказать, что до сихъ поръ никому изъ частныхъ лицъ еще не удавалось собрать такой колекціи списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинослѣдованій на недѣлю православія, какая накопилась у от. Никольскаго. Сверхъ того, онъ съ большимъ вниманіемъ изучилъ и печатные чины православія, какъ помѣщенные въ тріюдахъ XVII вѣка, такъ и изданные въ XVIII вѣкѣ. Но этимъ не ограничивается заслуга автора: значительной части собранныхъ имъ матеріаловъ онъ придалъ научную форму, привелъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставляя многіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ событіями и явленіями однородными и современными имъ и слѣдовавшими за ними, подобралъ и представилъ историческія объясненія ко многимъ изъ нихъ.

Отдавая въ этомъ отношеніи должную похвалу труду от. Никольскаго, рецензентъ находитъ однако, что авторъ воспользовался не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ, и при томъ не такъ, чтобы книга его не заставляла читателя желать и ожидать отъ нея большаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ от. Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Особенно можно пожалѣть о томъ, что онъ оказался скупъ на приложение къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія, тогда какъ такія приложения дали бы возможность не только провѣрить сообщенія и выводы автора по самымъ документамъ, но и ближе ознакомиться съ любопытными и малозвѣстными памятниками.

Обращаясь за тѣмъ къ характеру изслѣдованія от. Никольскаго, ученый критикъ прежде всего замѣчаетъ, что авторъ изложилъ исторію чина православія, какъ литургистъ и церковный археологъ, между тѣмъ какъ эта исторія, по своему содержанію, имѣетъ важное значеніе не въ одной области литургики и археологии, но и въ исторіи византійской и русской—церковной и гражданской, а также въ области церковнаго права. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія и можно встрѣтить указанія и отвѣты на относя-

щіеся сюда вопросы; эти указания и отвѣты даются однако мимоходомъ и не съ тою полнотою и опредѣленностью, какія желательны для историка и правовѣда. Другое замѣчаніе рецензента касается заглавія книги, которое не вполне соответствуетъ ея содержанию. Назвавъ ее «Анаеѣматствованіе», авторъ присовокупилъ къ этому заглавію поясненіе, что предметъ ея «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Хотя дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія посвящена изслѣдованію о той части чиновъ православія, въ которой содержатся отлученія отъ церкви, однако нельзя упустить изъ виду, что авторъ изслѣдуетъ не только эту часть, но и вообще чиноположеніе православія, а въ немъ анаеѣматствованіе является только однимъ изъ семи, а по древнимъ синодикамъ изъ пяти равночленныхъ предметовъ, такъ какъ въ содержаніе чиноположенія входятъ, сверхъ анаеѣматствованія, молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статьи о вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. По этому авторъ, давъ своему изслѣдованію вообще о чинѣ православія заглавіе «Анаеѣматствованіе», употребилъ названіе части предмета вмѣсто его цѣлаго.

Равнымъ образомъ въ отношеніи построенія книги отъ Никольскаго, планомъ и расположеніемъ которой онъ, повидимому, думалъ оправдать ея заглавіе, рецензентъ находитъ, что оно не соответствуетъ содержанію предмета, исторически изслѣдуемаго авторомъ. Представивъ весьма вѣскія доказательства такому мнѣнію своему и остановившись за тѣмъ на частномъ разборѣ предисловія и каждой изъ пяти главъ, составляющихъ сочиненіе, отъ Горчаковъ заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Сочиненіе отъ Никольскаго слѣдуетъ признать оригинальнымъ и по тѣмъ, и по содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ собою первый и пока единственный опытъ изслѣдованія объ исторіи чина православія — предмета, до сихъ поръ вовсе необслѣдованнаго и почти незатронутаго въ нашей ученой литературѣ. Сочиненіемъ своимъ авторъ приводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужебной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи. Въ немъ авторъ указываетъ русскимъ историкамъ новый, до нашего времени оставившійся безъ вниманія, источникъ исторіи — церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ впервые сообщаются многочисленныя историческія свѣдѣнія, извлечен-

ныя изъ архивовъ и библиотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденныя на забвеніе; значительная часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ облечена въ научную форму: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностью; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ сочиненіи его матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе есть такой ученый трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему содержанію никакія существующія сочиненія, и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, сочиненіе от. Никольскаго, не смотря на недостатки его, обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія, и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ награжденія Уваровскою премією. Это сочиненіе тѣмъ болѣе достойно вниманія и уваженія, что такіе учено-спеціальныя труды въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ оцѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

IV.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами. Сочин. С. Шафранова.

Это сочиненіе, первоначально напечатанное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, было впоследствии подвергнуто авторомъ исправленію и значительному дополненію. Въ новой, улучшенной редакціи трудъ г. Шафранова явился на судъ Академіи уже въ видѣ рукописи.